
К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА РОССИИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Е.В. Линькова

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена проблеме формирования образа российского государства в западноевропейской традиции. Автор показывает этапы формирования представлений о России в западноевропейском обществе, факторы, повлиявшие на появление определенных стереотипов и оценок. В статье анализируются исторические события и явления в истории России и стран Западной Европы, способствовавшие складыванию имиджа России в Западной Европе.

Ключевые слова: образ России, Московское Царство, национальная идентичность, Иван III, Петр I.

Проблема взаимного восприятия России и западноевропейского мира имеет многовековую историческую традицию. Образ России в странах Западной Европы начал формироваться еще во времена Средневековья, именно в эту эпоху появляются первые произведения о России, созданные европейскими путешественниками, посетившими русские земли. Однако восприятие европейцами России часто носило явно негативный характер, критике подвергалась и традиция русской государственности, и нравы народа. Как отмечают современные отечественные историки, изучающие проблему имиджа России в западноевропейском мире, подобные суждения рождались, во-первых, из-за непонимания российских реалий, во-вторых, из-за боязни перед огромной Россией и ее потенциалом (в том числе и военным). Уже в начале XVI столетия в сочинениях путешественников, посетивших Московское Царство, проявился образ страны, далекой от цивилизованного мира, от западноевропейских ценностей и культуры. Имидж дикой и варварской России надолго утвердился в западноевропейском сознании, зачастую подогреваемом правительственной пропагандой для обоснования «справедливой» борьбы с Россией как с враждебной силой, представляющей угрозу всему цивилизованному сообществу. Можно отметить, что подобная традиция воспринимать Россию как часть варварского мира довольно прочно укрепились в западноевропейском общественном сознании и продолжает существовать в наши дни.

Как отмечают исследователи, процесс постепенного изменения западноевропейской «ментальной» географической парадигмы, начавшийся на

рубеже XV–XVI вв. и охвативший такие грандиозные исторические события, как открытие Нового Света, ознаменовал и серьезные изменения в самом европейском обществе. Так, именно в этот период Западная Европа подходит к весьма важному и переломному этапу своего существования, происходит вызревание политических, экономических, духовных предпосылок для перехода от эпохи Средневековья к Новому времени. И именно в этот период новое европейское общество нуждалось в создании образа «Другого», глядя на который западный мир мог вновь почувствовать свою идентичность, «отличную ото всех остальных, ее окружающих» (1).

Долгое время сведения о России были достаточно ограничены. Отсутствие видимого интереса во многом было вызвано тем, что Русское государство находилось в те времена на периферии европейской геополитики. В Центральной и Юго-Восточной Европе доминировали Габсбурги и Ягеллоны, в то время как Москва вела борьбу с золотоордынским игом, пытаясь объединить земли, ранее входившие в состав Киевского государства. Именно в результате данных обстоятельств молодое Московское государство, занятое собственными проблемами и не вступавшее в тесные контакты с ведущими державами того времени, не вызывало у Западной Европы серьезного интереса. Ситуация начала постепенно меняться в 70–80-е гг. XV в. На данном этапе непрерывно возрастало могущество Османской империи, чья мощь после захвата Константинополя грозила всему западноевропейскому миру. Москва же в данный период обрела независимость и начала позиционировать себя как оплот православия, как определенную силу в христианском мире. Таким образом, исторические реалии заставляли Западную Европу сближаться с русским государством. В частности, существование «османской угрозы» привело к постепенному формированию географического понятия Европы, определенное место в которой отводилось и России.

Так, Эней Сильвио Пикколомини (будущий папа Пий II) еще в середине XV в. определил Европу как территорию христианского мира, который противостоит Османской империи, и включил в данное пространство Московское Царство. Эта идея отражает упадок религиозного сознания, религиозных интересов во внешней политике Западной Европы и приход ему на смену принципа государственного интереса, описанного в работах Николо Макиавелли.

В поисках потенциальных союзников в борьбе с османами Венеция, а затем Рим обратили свои взоры на Восток, на Московское Царство. К установлению более тесных контактов с Москвой стали стремиться Габсбурги, которым нужен был партнер в их борьбе с Ягеллонами, а затем и османами. Впоследствии свой интерес к Московии стала проявлять и Римская католическая церковь, питавшая надежды на заключение церковной унии с восточной ветвью христианства.

Расчеты западного мира были вполне логичны, ибо можно было ожидать, что московиты последуют примеру византийцев в вопросе религии и

вступят в унию с католической церковью. Более того, Ивану III поступило предложение от императора Священной Римской Империи германской нации Фридриха III обрести корону и таким образом войти в состав европейского мира. Однако данные планы папства и Габсбургов не увенчались успехом. Иван III отвечал, что корону он уже имеет от своих предков, но в то же время великий князь воспользовался дружеским расположением папы и императора и пригласил в Москву итальянских архитекторов и мастеров: Аристотеля Фиораванти, Пьетро Солари, Алевиза Фрязина и др. При этом великий князь московский не помышлял об изменении своей веры, основ государственности, духовных ценностей. Таким образом, Москва ответила отказом на все предложения западного мира, не желая терять свою самобытность, независимость в плане принятия внешнеполитических решений. Можно отметить, что именно от России в некоторой степени зависело то, каким будет ее образ в странах Западной Европы.

В конце XV – XVI столетиях Москва не пожелала присоединиться ни к одному из формировавшихся международных, политических и религиозных блоков, ни к католическому или к протестантскому, ни к антитурецкому. В этих непростых условиях Московское государство выбрало самостоятельный путь, соответственно став чуждой общеевропейским интересам. Рим и западноевропейское общество постепенно перестали воспринимать Россию как возможного союзника, внешнеполитического партнера. Россия на данном этапе не участвовала в общеевропейских геополитических комбинациях, стараясь решать, прежде всего, свои собственные задачи.

Нельзя не согласиться с мнением С. Хантингтона, отмечавшим, что начиная с XVI в. формирующиеся государства Запада «представляли собой многополюсную международную систему в *пределах западной цивилизации*. Они взаимодействовали и конкурировали друг с другом, вели войны против друг друга. В то же время западные нации расширялись, завоевывали, колонизировали и оказывали несомненное влияние на все остальные цивилизации...» (2). В связи с этим можно предполагать, что если бы Москва примкнула к одному из формировавшихся в то время в Европе блоков, ситуация могла бы развиваться для России по иному пути.

Однако сблизиться с Западной Европой Московии мешал и тот факт, что, освобождаясь от ордынского ига, Русское государство начинало предъявлять свои права на т.н. «киевское наследство», т.е. на земли юго-западной Руси, отошедшие к Литовскому государству. Во второй половине XVI в. для России становится принципиальной реализация проектов присоединения хорошо развитых в экономическом отношении земель в бассейне реки Западная Двина, достижение выхода к Балтийскому морю. Таким образом, интересы России неминуемо сталкивались с интересами государств Центральной Европы, и Москва постепенно втягивалась в общеевропейскую систему международных отношений, становясь не партнером по антиосманской борьбе (или помощником Рима в борьбе против Реформации), а

полноправным и самостоятельным участником, имеющим свои геополитические интересы.

Во многом на формирование образа России в Западной Европе повлияли события второй половины XVI в., когда Москва в полный голос начала предъявлять свои права на приграничные территории. Геополитические устремления молодого Русского государства, выразившиеся в том числе и в церемонии венчания Ивана IV на царство, и требование Москвы признать за русским государем его новый статус, – все это привело к резкому обострению и без того противоречивых отношений между Москвой и Вильно (отягощенных приграничными войнами конца XV – начала XVI в.), а с началом Ливонской войны московский государь превратился во врага христианства. Отказавшись от церковной унии с Римом и в то же время не примкнув к протестантскому блоку, Россия стала одинаково чужой и для тех, и для других, чем не замедлили воспользоваться в Литве и Польше, развернув против Москвы настоящую пропагандистскую войну. Это война, по мнению польского историка Иеронима Граля, началась еще во времена битвы под Оршей 1514 г., «когда с помощью “оршанской пропаганды” мы (поляки. – *Е.Л.*) настроили часть Европы против Московии» (3). Исследователь отмечает, что во время Ливонской войны появляется первая в истории польской армии походная типография, которая «работала на нескольких языках и по нескольким направлениям на всю Европу» (4).

Процесс формирования образа России в западноевропейском общественном сознании прошел в своем развитии несколько этапов, изменяясь вслед за геополитическими реалиями, трансформацией отношения к российскому государству со стороны европейских держав.

Самые ранние упоминания о Московии после монгольского завоевания в западноевропейской литературе относятся к первой половине XV в. Одни из первых путешественников, посетивших в это время Русскую землю и оставившие после себя записки: бургундский рыцарь Жильбер де Ланноа (5), венецианец Абреджо Контарини и др. представляли довольно нейтральную картину увиденного в Московии, описывая ее природу, географию, государственное устройство, уклад жизни народа (6).

В XVI в. представления о России в странах Западной Европы все более расширяются, появляются новые работы, в которых описываются государство, быт и нравы народа и т.д. Так, посол Священной Римской империи Сигизмунд фон Герберштейн, два раза посетивший Москву с дипломатической миссией в 1549 г., выпустил книгу «Записки о Московитских делах», которая сразу стала известна в Европе и, более того, вплоть до начала XIX в. оставалась одним из главных произведений о России. Для Герберштейна кажется вполне очевидным тот факт, что Москва расположена скорее в Азии, чем в Европе, а сами русские – варвары. Тезис о «татарскости» русских, отчетливо прозвучавший в сочинении Герберштейна, с тех пор являлся общим местом в большинстве сочинений иностранцев о России.

В середине XVII в. Россия постепенно вступает в общеевропейскую систему международных отношений, основанных на постулатах, выдвинутых в работах Н. Макиавелли «Государь» 1513 г., Б. Айолы «О праве войны и военных учреждениях» 1582 г., Г. Гроция «Свободное море» 1609 г., «О праве войны и мира» 1625 г. Предложенные в этих сочинениях нормы и принципы международных отношений провозглашали прежде всего соблюдение «государственного интереса» своей страны, достичь которого возможно путем поиска союзников, формирования блоков государств и поддержания таким образом нужного «баланса сил». Вестфальская система, сложившаяся в 1648 г., была во многом полицентрична, что объясняется прежде всего делением Европы на своего рода регионы по внешнеполитическим целям и центрам противоречий.

В европейскую политику органически вплетался регион Восточной Европы, где в середине XVII в. шла война России против Речи Посполитой, пытавшейся удержать украинские, белорусские и западнорусские земли. К этому же региону можно отнести и противоречия России, Украины и Речи Посполитой с Османской империей и Крымским ханством, порожденные необходимостью отражения постоянных нападений крымских татар и османов на украинские и южнорусские земли.

Все эти геополитические проблемы России были тесно связаны с проблемами геополитики Европы, решение их зависело от международной обстановки и влияло на эволюцию Вестфальской системы. Русская дипломатия в этот период действовала прежде всего исходя из своих национальных интересов, но на практике для России события складывались так, что война с Речью Посполитой побуждала ее к союзу со Швецией (однако эта возможность была упущена), что сближало ее с более сильной тогда антигабсбургской группировкой. Андрусовское перемирие и складывание антиосманского союза привели к консолидации с Речью Посполитой, сблизили Россию с Австрией.

К концу XVII в. Россия становится одной из решающих сил в юго-восточном регионе Европы.

Переключение России на решение проблемы выхода к берегам Балтийского моря тесно связано с развалом Вестфальской системы международных отношений, с началом формирования Утрехтской системы, более «глобализированной» по охвату территории (выход в мировой океан и к берегам Америки) и более моноцентричной, нежели прежняя. В начале XVIII в. после победы под Полтавой, резко поднявшей влияние России в Европе, и новых побед над Швецией Россия заняла одно из решающих мест в Утрехтской системе международных отношений.

С повышением роли России на международной арене соответственно эволюционировал и образ страны в глазах западных соседей русского государства. В частности, с личностью Петра I и его решительной внешней политикой отечественные мыслители связывали становление образа России

как сильного государства, неевропейского по своей сути, но поражающего своими просторами, военным потенциалом. Так, Ф.И. Тютчев отмечал, что в течение столетий Запад считал лишь свою культуру и свои ценности истинно европейскими, закрывая глаза на существование другой Европы в лице России, но в один момент «...рука исполина сдернула эту завесу, и Европа Карла Великого очутилась лицом к лицу с Европой Петра Великого» (7). Российский император предстал у Тютчева правителем, поставившим Запад перед фактом существования «другой Европы», возникшей задолго до Петра. И эта Европа представляет собой не только Россию, но и славянские народы, близкие ей по духу, культуре, национальным ценностям.

Важным этапом на пути эволюции образа России в Западной Европе были и события екатерининской эпохи, когда территория России значительно расширилась, победоносные войны с Турцией обеспечили России свободное плавание по Черному морю, выход через проливы Босфор и Дарданеллы в Средиземное море.

В начале XIX столетия Россия еще больше расширяет свое влияние в Европе в результате участия в антинаполеоновских коалициях, в решении вопросов послевоенного устройства в 1813–1815 гг. Страх перед возраставшим после победы над Наполеоном могуществом России служил одним из источников формирования фантастических образов русского варварства. В послевоенный период ставится актуальной и тема славянского единения вокруг России, что представляло собой довольно опасную картину для всего европейского Запада. Этот образ широко распространялся в общественном мнении западноевропейских государств. В частности, Г. Гейне в одной из статей, опубликованных в 1841 г. в газете «Allgemeine Zeitung», призывал не опасаться религиозного рвения мусульман, так как оно «явилось бы лучшим оплотом против стремлений Московии, которая замышляет не более, не менее, как завоевать или хитростью добыть на берегах Босфора ключ ко всемирному господству» (8). Депутат Ф. Беккер, выступая в 1846 г. в Баденской палате, также говорил о стремлении России к мировому господству и о ее новом монгольском нашествии на Германию.

О преобладании «черных красок» в западноевропейской публицистике и политической лирике 1830–1850-х гг. можно судить по анализу метафор, используемых для изображения разных сфер российской жизни. В описаниях России употреблялись следующие определения: бескрайняя степь, ледяной полярный круг, Сибирь; подданные назывались: казаки, киргизы, калмыки, башкиры, татары, курносые, узкоглазые азиаты; царская династия: народоубийца, смесь рабства и деспотизма, отцеубийца; общественная сфера – варварство, кнут, нагайка, запах сала и дегтя; отношение к соседям – дремлющий великан, чудовище, хищная птица (9).

По словам немецкого исследователя Д. Гро, весь XIX в. на Западе шла «идеологическая борьба против России под девизом борьбы с деспотией, развития против застоя, культуры с варварством» (10). Рост могущества и

влияния России после войны с Наполеоном приводил к позиционированию России как страшного «захватчика», «тирана», «петербургского чудовища», «жестокоего татарина» – такие эпитеты нередко давались русским царям и их подданным. Влиятельный член палаты общин Т. Этвуд заявлял, что «пройдет немного времени... и эти варвары научатся пользоваться мечом, штыком и мушкетом почти с тем же искусством, что и цивилизованные». Следовательно, необходимо не мешкать, а объявить войну России, «подняв против нее Персию, с одной стороны, Турцию – с другой, Польша не останется в стороне, и Россия рассыплется, как глиняный горшок» (11).

Традиционный подход к изображению народов, способных отстаивать свои национальные ценности и интересы (часто не совпадающие с западно-европейскими), в полной мере представлен в книге А. де Кюстина «Россия в 1839 г.», которая построена в форме размышлений, связанных с пребыванием маркиза в России. Однако, как отмечают многочисленные исследователи этого произведения, автор находился под впечатлением стереотипов и страхов, свойственных европейцам XIX в. по отношению к России. Нужно отметить, что автор не знал русского языка, истории, литературы и культуры, собирал различные слухи, анекдоты, проецируя их на масштаб огромной страны. Необходимо отметить, что, используя подобные подходы и методы, любое государство может быть представлено в соответствующем освещении.

Самобытность России и желание следовать своим национальным интересам во внешнеполитическом плане зачастую были вызваны необходимостью сохранить свое географическое пространство, независимость и веру. Как справедливо отмечал историк и политолог А.С. Панарин, «вопрос о цивилизационной идентичности России, о ее праве быть не похожей на Запад, иметь собственное призвание, судьбу и традицию» превратился в «вопрос о нашем праве на существование вообще, о национальном бытии как таковом» (12). Эта мысль развивается и поддерживается многими отечественными мыслителями и историками, например А.М. Песков указывает на то, что «приобщение русского образованного общества к историческофской логике требовало либо признания собственного духовного ничтожества, либо выявления такой национальной субстанции, наличие которой позволяло бы говорить о том, что Россия не просто занимает много места на земле, но имеет также историческое значение, не замеченное иностранцами» (13).

Как отмечал Ф.И. Тютчев, к России нельзя приложить западноевропейские историческофские схемы, постичь сущность русской идеи можно лишь через ее собственные основы существования. Вследствие чего «способом аргументации ее исторического значения стала манифестация ее особого, по сравнению с Западом, пути во всемирной истории» (14).

Подобную точку зрения поддерживали многие мыслители России, в частности, К.С. Аксаков писал: «Россия – земля совершенно самобытная, во все не похожая на европейские государства и страны. Очень ошибутся те, которые вздумают прилагать к ней европейские воззрения и на основании их су-

дить о ней» (15). Необходимо согласиться и с авторитетным мнением Н.А. Нарочницкой, отмечавшей, что «понять отличие и роль России в мировой истории можно лишь через осознание ее христианского толкования и смысла...» (16). Однако западноевропейский мир, «открыв» для себя Россию, хоть и перестал ощущать себя единственным носителем христианства, но, с другой стороны, поставил под сомнение истинность христианских постулатов ортодоксальной церкви. Так, германский публицист и историк середины XIX в. Я. Фальмерайер, преподаватель истории и философии Баварского университета, занимавшийся изучением Востока, в своей статье в аугсбургской «Всеобщей газете» рассуждал о пустоте православной веры, об отрицании любых частных интересов людей ради создания материальной мощи для достижения владычества над миром. Ради этого, писал Фальмерайер, живет и развивается византийское наследие, выраженное в России. Единственный выход, считал Фальмерайер, состоит в проникновении германского, и в целом европейского духа на Восток.

Таким образом, можно отметить, что помимо историософских, мировоззренческих аспектов, повлиявших на восприятие России в странах Западной Европы, большую роль сыграли именно геополитические факторы. Активное включение России в европейскую систему международных отношений в XVII в., следование своим национальным интересам, расширение российских границ в XVIII–XIX вв., – все это неоднозначно воспринималось в западноевропейском обществе, вызывая опасения, недоверие и стремление понять и объяснить сущность России, вектор ее геополитических устремлений.

Ф.И. Тютчев в середине XIX в. отмечал, что «...о России много говорят; в наши дни она стала предметом жгучего, беспокойного любопытства. Очевидно, что она сделалась одной из самых больших забот нынешнего века; однако, следует признать, что эта забота, заметно отличаясь от других волнующих наше время проблем, скорее угнетает, нежели возбуждает современную мысль...» (17).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Гро Д.* Россия глазами Европы // http://www.perspektivy.info/book/rossija_glazami_jevgoru_2011-09-28.ht
- (2) *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций // http://modernlib.ru/books/hantington_samyuel/stolknovenie_civilizacij/read_1
- (3) Первая война России и Европы // Родина. – 2004. – № 12 // http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=1425&n=79
- (4) Там же.
- (5) *Кудрявцев О.* Великая Русь рыцаря де Ланноа // http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=900&n=49
- (6) См. подробнее: Барбаро и Контарини о России. – Л., 1971.
- (7) *Тютчев Ф.И.* Политические статьи. – Париж, 1976. – С. 16.

- (8) Гейне Г. Собрание сочинений: В 10 т. – Л., 1958. – Т. 7. – С. 278.
- (9) Цит. по Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений: В 6 т. – М., 2003. – Т. 3. – С. 265.
- (10) Гро Д. Россия глазами Европы // http://www.perspektivy.info/book/rossija_glazami_jevgoru_2011-09-28.ht
- (11) Тарасов Б.Н. Историософия Ф.И. Тютчева в современном контексте. – М., 2006. – С. 29.
- (12) Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2003. – С. 6.
- (13) Песков А.М. «Русская идея» и «русская душа»: Очерки русской историософии. – М., 2007. – С. 7.
- (14) Там же. – С. 7–8.
- (15) Цит. по: Русская историософия. Антология. – М., 2006. – С. 160.
- (16) Нарочницкая Н.А. Россия и Европа. Историософский и геополитический подход // Наш современник. – 1993. – № 12. – С. 95.
- (17) Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений: В 6 т. – М., 2003. – Т. 3. – С. 117.

ON THE FORMATION OF THE IMAGE OF RUSSIA IN WESTERN EUROPE

E.V. Linkova

The Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the problem of forming the image of Russia in the Western tradition. The author shows the steps of forming ideas about Russia in the Western European society, the factors that influenced the occurrence of certain stereotypes and evaluations. This article analyzes the historical events and developments in the history of Russia and the countries of Western Europe, contributed to the folding of the image of Russia in Western Europe.

Key words: the image of Russia, the Moscow kingdom, national identity, Ivan III, Peter I.